

Неожиданное ранение, полученное без видимой причины, могло бы стать поводом для серьёзных разбирательств. Если бы Сяо Лян сообщил об этом Сяо И и потребовал объяснений, тому пришлось бы несладко. Однако Сяо Лян не стал строить козни, за что Юнь Чжао был искренне благодарен. Он понимал: Сяо Лян вряд ли поверил в ложь о том, что его ранили грабители во время сбора лекарственных трав, но не стал задавать лишних вопросов. Этого было достаточно. Юнь Чжао чувствовал себя обязанным и однажды обязательно оплатит за эту доброту. Тем более что убийство Коу Пэна действительно доставило Сяо Ляну немало хлопот. Хотя братья и отослали его, внутренняя энергия Юнь Чжао была настолько сильна, что он слышал каждое их слово.

Юнь Чжао размышлял: Сяо Лян, не владеющий боевыми искусствами, не знал, что у мастеров слух острее, чем у обычных людей. Сяо Чэн, вероятно, считал, что Сяо Лян полностью ему доверяет, раз позволил находиться так близко. Это небольшое недоразумение радовало Юнь Чжао — особенно когда Сяо Лян, рассказывая о происшествии в Павильоне Спящего Феникса, взял вину на себя, не упомянув его ошибок. Теперь Сяо Чэн наверняка ещё сильнее заподозрит, что Сяо Лян намеренно позволил ему убить Коу Пэна.

Сяо Лян не был склонен к сложным размышлениям и не понял, почему Юнь Чжао вдруг замолчал, но не придумал этому значения. Заметив кровь, сочившуюся из-под рёбер Юнь Чжао, он поспешил сказать:

— Скорее перевяжи рану, чтобы никто не заметил.

Юнь Чжао, полагаясь на своё мастерство, даже зимой одевался легко, поэтому кровь проступала быстро. Опасаясь, что такое повторится, он поспешил подняться, чтобы переодеться.

Они уже собирались уйти, как вдруг вбежал евнух Линь. Поклонившись Сяо Ляну, он доложил:

— Ваше высочество, евнух Сюй скончался прошлой ночью.

Сяо Лян изумился:

— Вы же говорили, что ему стало лучше. Как же так? Я сам отправлюсь в управление евнухов, чтобы проститься с ним.

Евнух Линь тут же опустился на колени:

— Ваше высочество, умоляю, не ходите туда. Место это осквернённое, вам негоже его посещать. Позвольте мне всё уладить — купить добротный гроб и устроить достойные похороны.

Сяо Лян, опечаленный, понимал, что его попытка выйти встретит сопротивление, и кивнул. Он вспомнил, как в детстве играл с евнухом Сюем, и теперь, когда тот ушёл, на сердце стало ещё тяжелее.

Люй Сю, стоявшая рядом, заметила его подавленность и поспешила утешить:

— Ваше высочество, отдохните немного. Не думайте о плохом. Помните наставления великого мастера Цзинкона — избегайте сильных эмоций.

Сяо Лян покачал головой и горько усмехнулся:

— Мать и третий брат ушли, а я всё ещё здесь. Не беспокойтесь, оставьте меня одного.

Юнь Чжао, наблюдая за этим, беспокоился, но ничего не мог поделать. Он поклонился и вместе с евнухом Линем и Люй Сю вышел. У дверей они встретили Цзи Ланя. Люй Сю, увидев его, тут же поклонилась:

— Господин Цзи, вы пришли как нельзя вовремя. Утешьте, пожалуйста, нашего князя.

Цзи Лань, узнав, что евнух Сюй был близок к наложнице Хуэй и с детства дружил с Сяо Ляном, понял: тому сейчас нелегко. Он хотел войти и успокоить его, но решил, что, возможно, лучше оставить одного, и уже собрался уйти.

Но едва он сделал шаг, как услышал голос Сяо Ляна:

— Это ты, Цзинбо? Войди.

Цзи Лань пришёл во дворец, чтобы повидаться с Сяо Ляном, но не решался искать его напрямую. Теперь, когда его позвали, отказаться было нельзя.

Войдя, он увидел: Сяо Лян сидит в кресле, погружённый в тяжёлые думы. Он поспешил поклониться:

— Потревожил ваш отдых, ваше высочество.

За пределами дворца он иногда осмеливался называть его «Фэнмянь», но здесь, в императорских покоях, такие вольности были немыслимы — лишь отношения государя и подданного.

Сяо Лян поднял на него взгляд:

— Цзинбо, не церемонься. Садись, поболтаем.

Цзи Лань ответил «слушаюсь» и присел рядом, понимая, что Сяо Лян, вероятно, в унынии, но не зная, о чём тот заговорит.

Сяо Лян, не глядя на него, спросил:

— Скажи, если бы в тот день ты проходил мимо озера Тайе и увидел, что тону я, стал бы спасать?

Цзи Лань, услышав это, встревожился. Слова эти были прозрачны: Сяо Лян явно считал его сторонником Сяо Цзюэ. Для линии Сяо Цзюэ смерть Сяо Ляна была бы к лучшему.

Цзи Лань поспешно встал:

— Ваше высочество, я не понимаю вашего вопроса.

— Нет, понимаешь, — без выражения ответил Сяо Лян.

Цзи Лань, видя, что уйти от ответа не выйдет, сказал:

— Я бы спас любого. С детства меня учили быть преданным государю и Родине, ставить человеколюбие и долг во главу угла. Как я мог бы позволить кому-то утонуть?

— Ты — внук великого учителя и племянник наложницы Шу Цзи. По всем канонам тебе не нужно было прыгать в воду. Мог бы просто позволить страже спасти меня, и тогда моя судьба не имела бы к тебе отношения.

Цзи Лань забеспокоился, не понимая, к чём клонит Сяо Лян:

— Ваше высочество, вы говорите так, будто я совершил ошибку.

Тут Сяо Лян и вовсе перестал называть себя «ваше высочество» и мрачно произнёс:

— Да, ошибся. Если бы я тогда заболел и не смог пережить уход матери и брата, возможно, это стало бы избавлением.

Цзи Лань, услышав это, взглянул на него и увидел: тот смотрит прямо, с каким-то решительным отчаянием. Сердце Цзи Ланя сжалось от жалости, и он поспешил возразить:

— Ваше высочество, вам всего пятнадцать лет. Как можно говорить такие недобрые слова? Император был бы глубоко опечален.

— Опечален? Интересно, как долго? Или опечалился бы вообще?

— Ваше высочество, да что с вами? Может, князь Чжао что-то сказал? — Цзи Лань вспомнил, как видел, как князь Чжао уходил. Он знал: история с Коу Чаомином тому не понравилась, но что именно было сказано, чтобы вызвать у Сяо Ляна такие мысли?

— Ты спас меня однажды. Если передашь мои слова пятому брату, а он — отцу, мне не сдобровать. Если хочешь, можешь забрать мою жизнь. Тогда я не буду тебе обязан.

Цзи Лань, услышав это, больше не мог сидеть. Он опустился на колени перед Сяо Ляном:

— Умоляю вас, ваше высочество, берегите себя. Не думайте о таком. Я спас вас — как могу теперь причинить вред? Подобное вероломство мне не по силам.

— После смерти матери я почти не слышу правды. Любопытно: чем ближе кровные узы, тем больше лжи. Хорошо хоть, мы не родственники — твоим словам можно поверить.

— Ваше высочество, вы ошибаетесь. Небо, земля, государь, родители, учитель — вы называете меня учителем, и хоть я недостоин, всё же ваш наставник. Разве можно говорить, что мы не родственники?

— О? Значит, и ты лжёшь? — Сяо Лян не удержался, чтобы не поддеть его.

Цзи Лань хотел утешить Сяо Ляна, но сам оказался в тупике и онемел.

Сяо Лян, видя, что тот долго стоит на коленях безмолвно, протянул руку, поднял его и усадил рядом. Горько усмехнулся:

— Мне вправду любопытно: что ждёт такого принца, как я — без поддержки материнского клана, без близких братьев, лишь с отцовской любовью? Если отец разлюбит, чья рука меня сразит?

Цзи Лань снова хотел встать:

— Умоляю, ваше высочество, будьте осмотрительны в словах. Речи такие непозволительны.

— Хм, если бы можно было выбрать, я бы предпочёл умереть от твоей руки. Не тревожься, здесь лишь мы двое. Ты ведь не расскажешь, так что мне нечего бояться.

— Это... я... — Цзи Лань был ошеломлён. Не ожидал, что обычно сдержанный Сяо Лян, разойдясь, может быть таким язвительным.

<http://bllate.org/book/15946/1425688>